



WORLD
WARCRAFT
LEGION™

Blizzard Entertainment

Темное зеркало

Автор — Стив Денузер

Натанос Маррис закрыл глаза и сделал глубокий вдох через нос, который ему за всю его жизнь ломали столько раз, что он и счет потерял. Во влажном воздухе уже чувствовался запах осени и нотки аромата диких цветов, росших вдоль тропы. Ему нравился этот запах — такой знакомый, простой и родной. Этот запах Натанос не променял бы ни на что.

Сильвана Ветрокрылая, предводительница следопытов, как всегда, подошла неслышно. От нее пахло розами, которыми славился ее родной город, столица высших эльфов. Этот аромат Натанос узнал бы из тысячи.

Долгое время человек просто стоял молча, в глубине души радуясь присутствию внезапной гостыи. Тишину нарушало лишь чириканье птиц, провожавших закатное солнце, да негромкое блеянье овец, что паслись за низенькой деревянной изгородью, которую он, Натанос, помогал строить своему отцу, когда еще был ребенком.

Он открыл глаза. С небольшого холма, на котором он стоял, все поместье Маррисов было как на ладони: дом, в котором он прожил почти всю свою жизнь; амбары и сараи, которые пора было готовить к зиме; пшеница, дожидавшаяся жатвы.

Его дом.

Натанос очень любил его — и гордился им. Наверное, именно потому он и хотел хоть немного продлить этот миг... прежде чем все разрушить.

— Не стоило тебе приходить сюда, — проворчал он.

— Хорошо же ты привечаешь своего командира, — ответила Сильвана, повернувшись в его сторону.

На ее губах играла легкая улыбка, но сталь в ее взоре выдавала властность. Глядя на ее изящный голубой кожаный доспех и закинутый за спину красивый резной лук, Натанос почувствовал себя неловко — сам-то он был одет в потрепанную повседневную одежду, да и бороду расчесать не мешало.

Он покачал головой.

— Ты прекрасно знаешь, что я имел в виду, Сильвана. Среди Странников ходят пересуды с тех самых пор, как ты произвела меня в командиры следопытов. Твои

визиты сюда тоже не остались без внимания, и эти ваши «благородные» следопыты сплетничают о нас почище деревенских баб за стиркой.

Сильвана откинула назад свой капюшон, и ее длинные золотые волосы упали на плечи.

— Вот уж не думала, что тебя заботит чужое мнение.

Слова высшей эльфийки источали мед притворного сопереживания, испытывая его решимость.

Раздосадованный, он стиснул зубы. Ему не нравилось, что Сильвана настолько привыкла к его манере общения, что уже совершенно не замечала, когда он и вправду сердился.

— Обо мне эти сплетники пускай говорят что угодно. Но ты их командир, и нехорошо будет, если ты утратишь их уважение.

Сильвана откинула со лба Натаноса спающую на глаза прядь его каштановых волос.

— Я предводительница следопытов, и в мои обязанности входит сбор докладов от моих разведчиков. А поскольку ты решил уединиться здесь, на просторах Лордерона, а не нести службу в Кель'Таласе, я вынуждена время от времени заглядывать и к тебе.

Он пожал плечами.

— В Кель'Таласе мне делать нечего. Мне нет дела до интриг большого города. Здесь я хотя бы могу свободно вздохнуть, собраться с мыслями. Мне больше по душе простые радости, которых не найдешь под сенью древних шпилей.

— А Лор'темар полагает, что ты предпочитаешь скрываться из-за страха перед эльфийскими лучниками, — сказала она, слегка выгнув бровь.

— Лор'темар Терон несет чушь! Его стихия — политика; а не жизнь следопыта. И я уж точно ни в чем ему не уступаю!

Натанос резко оборвал свою тираду. Его раздражение явно забавляло Сильвану, и он не хотел доставлять ей такого удовольствия.

— Ну что ж, я рада, что узнала истинную причину твоего затворничества. А то мне уже начало казаться, что мое общество тебе в тягость.

Заходящее солнце осветило безупречные черты ее лица; серо-голубые глаза так и сверкали в золотом свете. Эффект был потрясающий. Натанос готов был поклясться, что тут не обошлось без каких-то чар, к которым она в любой

момент готова была прибегнуть, чтобы перевести разговор в нужное русло или отвлечь собеседника.

И, конечно же, они сработали. Он снова невольно польстил ее тщеславию.

— Дело не в том, что мне не по душе твои визиты, Сильвана. Но ты предводительница следопытов и должна быть рядом с подчиненными. Тем более, сейчас такое время...

Эльфийка нахмурила брови.

— Скоро твоё пожелание исполнится. Мне нужно встретиться с Аллерией, моей сестрой. Она полагает, что орки уже точат зубы на Кель'Талас и собираются напасть на нашу родину. Если её опасения оправдаются, тебя могут отозвать для защиты Луносвета, хочешь ты этого или нет.

Он взял её за локоть и слегка привлек к себе.

— Сильвана, ты же знаешь, что я исполню свой долг и...

— Натанос! — раздался звонкий мальчишеский голос.

Прямо к ним, размахивая руками и распугивая пасущихся овец, бежал паренек. Остановившись в десятке метров от них, он вперился взглядом в эльфийку и от изумления разинул рот. Он чуть не свалился с изгороди, когда неуклюже перелезая через неё, но все же набрался смелости подойти.

— Сильвана Ветрокрылая, предводительница следопытов, — начал Натанос, — позволь представить тебе Стефана Марриса, моего кузена. Ему всего девять, но, как видишь, по части недостатка хороших манер он уже со мной посоперничает.

Стефан покраснел от смущения. Натанос строго посмотрел на него, изо всех сил сдерживая улыбку. Он любил паренька, который очень был похож на него. Глядя на Стефана, он вновь вспоминал, каково это — жить в мире, где все так удивительно, чудесно и ново.

— Да брось, Натанос, — ответила Сильвана, опустившись на колено перед мальчиком и тепло улыбнувшись ему. — Не сомневаюсь, что он вырастет культурным и воспитанным, несмотря на все твоё влияние.

— Ты... ты тоже следопыт? Как мой кузен? — Стефан аж заикался от волнения, глядя на эльфийку во все глаза.

— Нет, дружок, бери выше. Сильвана — не просто следопыт. Она командует всеми следопытами в этих краях, — сказал Натанос.

Стефан ошарашенно смотрел то на него, то на неё, пытаясь найти подходящую случаю фразу.

Высшая эльфийка наклонилась к мальчику и спросила его шепотом, словно поверяя секрет:

— А ты хочешь стать следопытом, когда вырастешь?

Кузен Натаноса отрицательно замотал головой.

— Не, я хочу стать рыцарем. Чтобы у меня были сверкающие доспехи, огромный меч и свой замок! А жить в лесу и из лука пулять мне неохота.

И тут он вдруг сам испугался своих слов.

— Не, вообще мне нравятся следопыты... Ну, то есть я... Я бы с радостью служил у тебя!

Сильвана тихонько рассмеялась своим мелодичным смехом. Натанос стиснул зубы и вздохнул:

— Поздно уже, Стефан. Ступай-ка в дом и прекращай уже докучать моему командиру.

Стефан уже было развернулся, но тут Сильвана с поистине кошачьей грацией что-то достала из кармана и протянула мальчику руку.

— Вот, возьми, — сказала она, вкладывая ему в ладонь золотую монету. — Сохрани ее до тех пор, пока твой кузен не решит, что ты уже достаточно взрослый, чтобы купить свой первый меч.

Стефан засиял так, что мог бы осветить соседние поля.

— Спасибо! Спасибо!

Он мигом перемахнул через изгородь и побежал через луг. Бедным овцам, шарахавшимся от него, видать, не суждено было этим вечером попасть спокойно.

— У меня будет свой ме-е-еч! — радостно вопил мальчик.

— Вот этого мне только не хватало, — проворчал Натанос, теребя бороду. — Он мне теперь с этой монетой всю плешь проест.

Сильвана поднялась с колена и смотрела вслед Стефану до тех пор, пока он не скрылся за холмом.

— Ему просто нужен тот, кто верил бы в него, — ответила она. — Как и всем нам время от времени...

Голос ее был мечтательным и задумчивым. Натаносу стало интересно, какой она сама была в детстве и юности.

Некоторое время они молчали. Солнце уже совсем скрылось за горизонтом. Пение птиц сменилось гудением мошкар. Молчание затянулось.

Натанос нарушил его первым.

— Надолго ты здесь?

Она едва заметно улыбнулась.

— До утра, думаю. Сейчас уже поздно. Накорми, что ли, своего командира ужином да развлеки беседой.

Сильвана развернулась и пошла к дому. Проходя мимо Натаноса, она кончиками пальцев едва коснулась его руки.

Натанос задумался. Политические интриги Луносвета, неодобрительная усмешка Лор'темара Терона, тень надвигающейся Орды... С одной стороны, он хотел бы для себя более тихой жизни. Он любил работать на земле, как его отец и дед. Он мог бы уйти в отставку, покинуть ряды Странников и прожить остаток своих дней в поместье. В своем родном доме. Но для этого ему пришлось бы пожертвовать кое-чем куда большим, нежели чем должность командира следопытов.

Двинувшись в сторону дома, где его ждал теплый очаг и сытный ужин, он уже в глубине души знал, что выбор его сделан. К черту политиков. К черту весь мир! Он дал Сильване слово, и ничто не разлучит его с ней.

* * *

— Что же ты колеблешься, мой защитник?

Нетерпеливый голос Сильваны вырвал Натаноса из плена туманных воспоминаний. Вообще-то он редко вспоминал прошлое. Та жизнь принадлежала другому человеку, который был мертв уже много лет. Все то, что когда-то определяло его как человека: его дом, семья, обязательства перед другими — все это теперь было чем-то неважным и далеким. Ничего из этого уже не имело значения для того, кем он стал. Отныне он — Гнилостень. Он — Отрекшийся. И он больше не служил высшей эльфийке, предводительнице следопытов.

Он служил королеве банши.

— Я не понимаю назначения этого.

На мгновение он поразился скрипучим отзвукам своих слов, эхом отразившихся от каменных стен Королевского квартала. Не иначе, он ожидал, что вновь заговорит человеческим голосом. Сентиментальный дурак!

— Ритуал сделает тебя сильнее, — она прошлась туда-сюда по центру огромного круглого зала, ее глаза сверкали красным огнем. — Легион вторгся на земли Орды. Мой защитник должен быть сильным.

Натанос перевел взгляд с Сильваны на валь'киру, что парила в воздухе чуть позади нее. Распахнутые крылья призрака едва не касались огромных колонн на краю платформы, между которыми было добрых два десятка шагов. Подгород, столица королевы банши, буквально кишел всякими призраками, упырями и прочей нечистью — к этому он привык. Но вот валь'киры со своими массивными шлемами, наглухо закрывавшими лицо, действовали ему на нервы. Он слышал, что эти девы-воительницы вайкулов когда-то были хранительницами царства мертвых. На них была возложена обязанность провожать достойные души усопших к месту вечного упокоения. Но эта валь'кира, как и ее сестры, попала в рабство к Королю-личу. По его приказу они подняли огромную армию для этого монстра, который убил Сильвану Ветрокрылую, проклял ее и обрек на существование в облике нежити.

Он призадумался. Мудро ли было со стороны королевы призвать эти создания себе на службу после падения Короля-лича? Впрочем, он быстро отринул сомнения. Валь'киры уже оказали Сильване неоценимую услугу, пополнив ряды ее войска множеством новых Отрекшихся. Темная Госпожа знала, что делала. Всегда знала.

И все же он не удержался от того, чтобы немного уязвить ее.

— Ежели ты считаешь, что я недостаточно силен как есть, наверное, тебе стоит выбрать другого защитника...

Глаза Сильваны вспыхнули багровым пламенем.

— Ну почему с тобой все так сложно? — в ее голосе послышались нотки мощи воя банши, и гобелены на стенах затрепетали, словно в зале подул сильный ветер.

Натанос порадовался тому, что смог задеть ее, но, конечно же, не показал виду.

Темная Госпожа обуздала свою ярость и успокоилась.

— Благодаря силе валь'кир мое тело будет в сохранности на протяжении веков. Твое же человеческое тело, как и тела многих других Отрекшихся, столько не протянет. Я хочу остановить твой распад. Избавить тебя от боли, которую я испытала, когда...

Он быстро кивнул, дав знак, что понял ее. Лишь ему одному она рассказала о том, что произошло в тот день, когда пал Король-лич. Тогда она решила, что исполнила свое предназначение и что вечный покой, в котором ей так долго было отказано, уже заждался ее. Но когда она бросилась в пропасть на камни под Цитаделью Ледяной Короны, оказалось, что не покой ждал ее, а вечный голод

пустоты. И хотя она никогда в этом не признавалась, он знал ее достаточно хорошо, чтобы понять, как она была напугана.

Заклучив договор с валь'кирами, она тогда спаслась, и он благодарил за это судьбу. Но все же, если бы он лишился своей королевы, для него уже не было бы смысла влачить это жалкое подобие существования. Если ей суждено было терпеть во тьме вечные муки, он хотя бы мог завершить свой путь и нести бремя своего проклятия рядом с ней.

— Наверное, — промолвил он, — лучше будет просто отпустить меня.

Огонь в глазах Сильваны потух. На мгновение он увидел отблеск синевы, которая блистала в них когда-то давно. Но тут же взгляд ее снова стал ледяным и не терпящим возражений.

— Дважды я призывала тебя на свою службу, Натанос Гнилостень. И ты будешь освобожден от нее, только когда я прикажу!

* * *

Мир вокруг него был словно в густом тумане. Для него не существовало больше ни причин, ни смысла. Осталась одна лишь ненависть. Ненависть глубоко пустила корни в его разум и опутала своими цепкими щупальцами. Человек, которым он был когда-то, погиб, и его кровь обогрела землю, когда-то бывшую ему родной. В его мертвом теле сейчас обитало другое существо, не имевшее никакой собственной воли. Но ему и не положено было иметь ее. Оно существовало лишь для служения Королю-личу.

Он снова припал к земле, на которой лежал обглоданный труп его последней жертвы. Он вырвал зубами кусок мяса из ее горла, и по его телу разлилась теплая волна силы. Он вспомнил, с каким наслаждением слушал ее затихающий предсмертный крик; какой непередаваемый ужас застыл в ее опустевших глазах, пока он рвал остывающее тело на части. Смакуя то ощущение, он оторвал очередной кусок мертвой плоти.

Сколько времени прошло с тех пор, как его подняли из мертвых? Дни? Годы? Все это было совершенно неважно. Время имеет значение лишь для смертных; новый господин избавил его от этого бремени. Теперь всеми его действиями руководило лишь стремление распространять проклятие нежити в землях павшего королевства Лордерон. В той самой земле, которую он так любил в бытность человеком. Если бы в его сердце осталось место для чего-то, кроме ненависти, он бы посмеялся над иронией судьбы, долго и громко.

Он прервал свою трапезу. Таково было повеление его господина.

Он почувствовал, что сейчас что-то должно произойти. Темная магия, когда-то оживившая его мертвое тело, проникла в труп его жертвы. В немом изумлении он

смотрел, как безжизненный труп поднимается с земли. Одним созданием Плети стало больше. Она взглянула на него, и в ее неживых глазах больше не было страха — они теперь горели пламенем ненависти.

Она бы, наверное, даже улыбнулась ему, если бы ее челюсть не висела на тонких лоскутах плоти. А он бы, наверное, даже улыбнулся ей в ответ, если бы ей вдруг в голову не вонзилась стрела. Обезглавленное тело его новой спутницы осело на землю, пару раз дернулось и застыло.

Он развернулся лицом к нападавшим. Перед ним маячили три фигуры в капюшонах. Он утратил еще не все воспоминания о прошлой жизни, поэтому узнал их оружие. Он еще помнил, насколько опасен в умелых руках может быть лук. Но все эти остаточные воспоминания не имели для него равным счетом никакого значения. Ненависть закипала в нем, и ее необходимо было выплеснуть.

Он изготовился к прыжку, и тут средний из лучников выкрикнул команду. Стоявшие по бокам тут же выпустили в него несколько тяжелых тупых стрел, целясь в ноги. Он неуклюже рухнул на землю. Пару раз он пытался подняться, но новые стрелы тут же снова сбивали его с ног. Вот чертовы твари! Он не задавался вопросом, почему они просто не прикончат его, как ту женщину. Он лишь хотел впиться зубами в живую плоть, не прикрытую доспехами. Когда они станут солдатами Плети, им больше не понадобятся луки. Их оружием станет ненависть; отныне она будет их единственной движущей силой.

Он потянул носом воздух, подогревая в себе чувство голода, но незнакомый запах смутил его. Его противники не были ни людьми, ни эльфами. Они вообще не были живыми — такие же ходячие мертвецы, как и он сам. Но почему же тогда они хотят помешать ему исполнить волю господина? Со страхом и отчаянием побитого пса он вновь и вновь пытался подняться, и каждый раз очередная стрела сбивала его с ног.

— Натанос! — выкрикнул женский голос его имя.

Нет. Это имя давно умерло и сгнило на оскверненной земле поместья Маррисов. Как она посмела пробудить эти воспоминания? В нем с новой силой забурлила ярость. Он убьет ее. Он насытится ее плотью. На время он утолит свою жажду убивать.

Но что-то в голосе женщины в капюшоне удержало его. Его имя стало для него приказом. Произнеся одно лишь слово, она проникла в ярость, заменившую ему душу, и стиснула его изнутри мертвой хваткой.

Нет. Ненависть. Воля хозяина превыше всего. Если эти трое не будут служить ему, он уничтожит их!

— Натанос! — снова выкрикнула она замогильным голосом банши.

Сила ее голоса пугала. Может быть, ее сюда послал сам Король-лич?

— Натанос!

Когда она произнесла его имя в третий раз, он все вспомнил, и страх постепенно улетучился.

Он узнал этот голос. Ошибки быть не могло.

Сильвана.

Она откинула капюшон, и тусклый свет Чумных земель осветил ее эльфийские черты. Кожа ее теперь была мертвенного пепельно-серого цвета. Некогда золотые волосы потускнели и утратили свой блеск. Глаза, когда-то серо-голубые, теперь тлели красным огнем. Он понял, что и Сильвана тоже пала жертвой темной магии, и к горлу подступил ком горечи. Но печаль быстро уступила место благоговению — так великолепна была она в своем новом облике. Она и при жизни выглядела королевой. После смерти она стала богиней.

Он опустил взгляд и увидел свои скрюченные окровавленные пальцы, с которых лоскутами свисала кожа. Его охватил приступ стыда, затмивший даже радость от воссоединения с Сильваной. Мысль о том, что она видит его таким — жалким подобием себя прежнего — была ему нестерпима. Он поднял руку, пытаясь прикрыть полусгнившее лицо.

— Сильвана, — прошептали его иссохшие губы.

Его собственный голос показался ему совершенно чужим. Вдруг он осознал, что это было первое слово, произнесенное им с тех пор, как воля темного господина подняла его из мертвых. Слугам Короля-лича незачем было разговаривать — от них требовалось только убивать.

— Я пришла за тобой, Натанос. Я забираю тебя с собой.

Он был недостойн стоять рядом с ней. Он был недостойн даже смотреть на нее. Но сила и властность, исходившие от нее, заморозили его. Он медленно опустил руку и встретился с Сильваной взглядом.

— Ты видишь, во что я превратился, — прорычал он. — Зачем тебе нужно, чтобы такое чудовище, как я, служило тебе?

Сильвана лишь отмахнулась.

— Я построю новое королевство, Натанос. Королевство Отрекшихся, освободившихся от власти Короля-лича. Ты станешь моим защитником, и вместе мы обречем его на боль и страдания. Артас ответит за свои преступления!

Натанос скривился в ухмылке. Туман в его голове рассеялся. Король-лич больше не имел власти над ним, и Натанос стиснул кулаки при мысли, что теперь он сможет отомстить. Гнев и ненависть по-прежнему пожирали его, но зато теперь он мог действовать по своей воле.

Хотя нет. Конечно же, нет.

Теперь над ним довлела ее воля. Как и раньше.

Темные следопыты, сопровождавшие Сильвану, напряглись, когда Натанос поднялся на ноги. Он шагнул вперед и склонил голову.

— Я весь твой, Темная Госпожа. До самого конца.

* * *

Натанос внимательно осмотрел свою левую руку. Кожи и жил еще было достаточно, чтобы держать лук и научить даже самого бестолкового ученика натягивать его. Но он чувствовал, что силы постепенно покидают его. Неживая плоть разлагалась медленно, и однажды настанет день, когда его рука перестанет работать или отвалится совсем. И какой тогда от него будет толк?

«Что ж, — напомнил он себе, — хоть он и гниет замертво, но о своем долге он не забыл».

— Жду твоих приказов, моя королева.

Сильвана кивнула.

— В свое время Артас заставил валь'кир поднимать рыцарей смерти для его армии. Это очень мощный ритуал, гораздо сильнее того, посредством которого они сейчас обращают в Отрекшихся свежие трупы. Они могут преобразить твоё тело. Сделать тебя сильнее и... долговечнее.

— А почему они этого не сделают для всех твоих подданных? — спросил он.

Сильвана бросила быстрый взгляд на невозмутимую призрачную девицу.

— Этот ритуал отнимает у них много сил. Они прибегают к нему редко и неохотно. Энергия Короля-лича больше не питает их, и они вынуждены отдавать часть своей собственной сущности.

Она повернулась к нему.

— Но они сделают это, потому что я так хочу.

Он шагнул к королеве банши, внимательно вглядываясь в ее лицо. Он успокаивал себя тем, что хочет лишь спровоцировать ее и насладиться ее раздражением. Но в глубине души он знал, что обманывает себя. Ему хотелось чего-то большего.

— Но если валь'киры могут сделать это лишь раз... почему именно я?

Что это промелькнуло в ее глазах? Боль? Даже если и так, спустя миг боль эта сменилась непоколебимой решимостью.

— Я же сказала. Легион угрожает самому нашему существованию. Мне нужен могучий защитник.

Удовлетворение, которое он жаждал получить, конечно же, было мелочным. Но все же в нем каждый раз что-то просыпалось, когда она называла его так.

— Ну так скажи ей, пускай приступает, — проворчал Натанос. — Мне еще следопытов учить.

Сильвана едва заметно улыбнулась, повернулась к валь'кире и кивнула. Призрачная дева подплыла по воздуху к небольшой нише в стене тронного зала. Королева прошептала тайное слово, и каменные стены разошлись в стороны. За ними открылся темный проход. Это был один из множества тайных ходов, которыми Сильвана пользовалась, чтобы передвигаться по городу, и Натанос подозревал, что есть и такие проходы, о которых не знает даже он.

Они шли по замысловатому лабиринту, в котором запросто бы заблудился и сгинул даже опытный убийца, посланный врагом. Валь'кира же, судя по всему, знала дорогу; возможно, путь ей подсказывала темная магия, которой был насыщен Квартал Магов. В какой-то момент эта энергия стала практически осязаемой; даже Натанос почувствовал ее.

Они завернули еще за один угол и уперлись в тупик. Сильвана снова произнесла тайное слово, проход открылся, и они шагнули вперед.

На стенах комнаты, в которой они оказались, были развешаны полки, уставленные книгами и всяческими магическими принадлежностями, тускло блестевшими в свете ламп. В центре стояло два алтаря, на каждом из которых лежало по огромной каменной плите. Одна была пуста. К другой толстыми кожаными ремнями был привязан человек. Из одежды на нем осталось только нижнее белье. Он тщетно пытался высвободиться — ремни были затянуты туго. На полу возле него были свалены в кучу золоченые доспехи, боевой молот и щит. Натанос обратил внимание, что на оружии и доспехах выгравирован символ Серебряного Авангарда. Пленник был явно беспомощен, но не выглядел сломленным и не был изувечен. Натанос прищелкнул языком. Ему доводилось и убивать паладинов, и брать их в плен, но мало кого из них он оставлял практически нетронутым.

Гнилостень повернулся к своей госпоже и, указывая на мужчину, спросил:

— Что *это*?

— Горючее, — ответил ему ледяной голос валь'киры.

Сильвана прошла вокруг алтаря.

— Для этого ритуала требуется жертвоприношение. Нужна плоть... родственная твоей собственной.

Она остановилась у головы паладина и пристально взглянула на Натаноса.

Что это была за проверка? Чего она ожидала от него? Натанос наклонился к человеку, лежавшему на алтаре, и всмотрелся в его лицо. Что-то знакомое привиделось ему в нахмуренных бровях, волевом подбородке, отчаянной решимости, с которой пленник тщетно пытался освободиться.

Он поразился тому, как этот паладин напомнил ему его самого, когда он сам еще был человеком. Со дня его смерти прошло уже много времени. Он думал, что все эти воспоминания утрачены им навсегда, и вот теперь, глядя на этого человека, он словно заглядывал в свое прошлое.

Прошлое...

Пленник встретился с ним взглядом. Он, очевидно, узнал Натаноса, но в его глазах не было страха — только презрение.

Натанос наклонился и вытащил у него изо рта кляп.

— Ну здравствуй, кузен.

Лицо Стефана выражало крайнее отвращение.

— Я молил Свет, чтобы ты умер окончательно. Чтобы твоя душа обрела покой. В его словах слышалась печаль и горечь.

Натанос хмыкнул.

— Скажи, ты потратил тот золотой, что дала тебе предводительница следопытов?

— Я его сохранил, — с вызовом ответил паладин. — Я хранил его после того как пал Стратхольм; после того как Плеть разорила Лордерон, надеясь, что мой кузен все-таки жив. Я расспрашивал о тебе, но ответом мне было лишь неловкое молчание. Потом до меня дошли слухи о чудовище по имени Гнилостень, которое объявилось в поместье Маррисов и стало истреблять героев Альянса, стремившихся восстановить мир. Я подумал, что это и есть та тварь, что убила Натаноса, и поклялся отомстить за него. Но как-то раз я случайно подслушал разговор двух беженцев из Дарроушира. В нем промелькнуло настоящее имя

этого монстра, и тогда я понял, во что ты превратился. — Стефан ненадолго умолк. — И в тот день я выбросил этот злосчастный золотой в реку.

Он с ненавистью плюнул на каменный пол.

Натанос стоял молча. Отрицать правду смысла не было. Он прибыл на свою бывшую ферму по приказу своей королевы и заманивал ее врагов в ловушку. Ему доставляло особенное удовольствие истязать высших эльфов – следопытов с северных предгорий; тех самых Странников, которыми он когда-то командовал и вместе с которыми нес службу. Все их высокомерие пропадало без следа, когда они умирали, истекая кровью, — или оборачивалось звериным оскалом, если им суждено было восстать в облике нежити. И все это время, какими бы благородными героями ни были его жертвы, какими бы близкими друзьями они ни были в прошлой жизни, Натанос, убивая их, не чувствовал ни жалости, ни раскаяния. Он вообще ничего не чувствовал. Он просто исполнял свой долг, и в этом было его единственное предназначение. Своими победами он заслужил благосклонность Темной Госпожи. Больше он ничего не желал и желать не мог.

Сильвана похлопала пленника по плечу; тот, насколько позволяли ремни, отстранился.

— Мне доложили, что после принесения рыцарской клятвы твой дражайший кузен патрулировал Чумные земли как раз возле твоей старой фермы. Немало моих солдат положил, — она наклонилась к пленнику, и в ее голосе зазвенел металл. — Конечно, я могла приказать моим темным следопытам убить его, но очень хорошо, что я не сделала этого. Теперь этот паладин послужит... более высокой цели.

— Я никогда к вам не примкну! — процедил Стефан сквозь стиснутые зубы.

— Об этом не беспокойся, кузен, — мрачно ответил Натанос. — У нее на твой счет иные планы.

Королева банши улыбнулась.

— Это точно.

Больше она не произнесла ни слова и неторопливо отошла.

Натанос смотрел на своего кузена, беспомощно лежавшего перед ним, и в груди у него зашевелилось странное, незнакомое чувство. Жалость? Нет, он знал, что на это он не способен. Но ненависти к паладину он не испытывал — во всяком случае, той ненависти, что он питал к другим живым людям. И тут он понял — это была гордость. В глубине души он действительно *гордился* тем, что мечты Стефана о той жизни, которой он грезил с детства, сбылись. Но только с этой жизнью ему вот-вот предстояло расстаться.

Натанос поднял глаза и встретился взглядом с Сильваной. Так что же, это и было ее испытание? Она подозревала, что из любви к кузену он может предать ее? Она гадала, не проявится ли в нем в последний решающий момент что-то человеческое?

Конечно же, у него не было выбора. Помыслы человека, который давно умер, не могли заставить Натаноса Гнилостеня отступить от своей клятвы.

— Приступайте, — буркнул он, направляясь к пустому алтарю.

— Свет спасет меня! — выкрикнул Стефан, но, судя по отчаянию в голосе, он и сам не слишком-то в это верил.

— Свет тебя здесь не отыщет, парень, — ответил Натанос, пристально глядя на королеву. — Мы с тобою вместе отправимся во тьму.

Валь'кира бесшумно подплыла к алтарям и остановилась между ними. Натанос взглянул на призрачную деву. Его одолевали сомнения, но он старался не подавать виду. С поднятыми руками и распростертыми крыльями валь'кира, казалось, одна занимала целиком весь зал. Она начала нараспев произносить слова ритуала на неведомом древнем языке, и в ее голосе до сих пор ощущалась мощь Короля-лича. Призрак наклонился над каменными плитами; с ее рук заструилось сине-золотое пламя. Мир вокруг Натаноса вдруг взорвался огнем и болью.

Чудовищной болью...

* * *

Боль отступила, сознание понемногу возвращалось. Натанос открыл глаза. Комната постепенно обретала очертания.

Валь'кира сидела на полу, забившись в угол. Некогда величественная и огромная, сейчас она выглядела беззащитной, маленькой и жалкой.

Темная Госпожа стояла подле него.

— Ну, как ты себя чувствуешь, Гнилостень?

— Мертвым, — сухо ответил он. — Хотя и не настолько мертвым, как раньше.

Его новый голос был ему незнаком. Он уже не напоминал скрежет полупарализованных голосовых связок нежити, но и не был звонким, как голос живого человека. На голос банши он тоже был не похож, хотя в нем и чувствовалась власть.

Глаза Сильваны ярко вспыхнули.

— Поднимись, мой защитник!

Натанос приподнялся и свесил ноги с плиты. Став на пол, он удивленно выдохнул, пытаясь удержаться на ногах, которые поначалу показались ему чужими. Словно ребенок, разворачивающий долгожданный подарок, он стянул с левой руки перчатку и в изумлении уставился на свои пальцы.

Нигде не торчали голые кости. Кожа уже не свисала лоскутами, нигде не отваливалось мясо. Это не была живая рука, но она была целой, крепкой и сильной.

«Что ж, с такой рукой защитник королевы сможет послужить ей как должно», — решил Натанос.

Он дотронулся до щеки. Вместо высохшей кожи, тонкой, как бумага, его пальцы нащупали плоть. Подбородок зарос жесткой щетиной. Натанос смаковал новые ощущения. Его новое тело почти не отличалось от живого, человеческого.

Почти.

Он повернулся к Сильване.

— Как я выгляжу?

Он постарался придать вопросу безразличие. Но, конечно же, он лукавил.

— А ты нарцисс, Гниlostень!

В голосе Сильваны чувствовалась насмешка, но еще и явное удовлетворение. Интересно, что ее так порадовало? Что она заставила могучую валь'киру исполнить ее волю? Или просто забавляется новой игрушкой? Сильвана подвела Натаноса к висевшему на стене большому овальному зеркалу в изящной резной раме.

— Погляди сам.

Еще когда она была предводительницей следопытов Луносвета, Сильвана питала страсть к зеркалам. Да, собственно, почему бы и нет? Даже по меркам высших эльфов средняя из сестер Ветрокрылых отличалась редкой красотой. Очень многие представители благородных домов добивались ее руки. Говорят, даже сам принц Солнечный Скиталец желал ее.

Но мертвым не было нужды смотреть на свои отражения. Они лишь напоминали Отрекшимся, как отвратительна их разлагающаяся плоть, вид которой у всех живых вызывал омерзение. Нежить олицетворяла собой неизбежную участь, ожидавшую смертных — когда-нибудь и их тела сгниют в земле... если только королева банши не призовет их на свою службу.

Сильвана оставила в своих покоях несколько зеркал. После смерти она утратила свою эльфийскую утонченность, но в ее облике нежити все же было что-то завораживающее. Натанос знал, что ее соперники из смертных королевств лицемерно ругали ее и поносили Отрекшихся на публике, но в беседах с глазу на глаз восхищались величием Темной Госпожи. Сама она тоже знала об этом, и ей это доставляло удовольствие, хотя она, конечно, не показывала виду.

Натанос посмотрел в зеркало. Лицо его было нездорового желтушного цвета, с заостренными чертами, но плоть была цела. Впервые со дня своей смерти он мог стоять, выпрямившись во весь рост, а не сутулиться, как сгорбленный древний старик. Если бы не глаза, светившиеся багровым огнем, при тусклом освещении Подгорода его вполне можно было принять за человека.

Он был рад этому чудесному преображению, но решил, что Сильване знать об этом не обязательно.

— Сгодится, пожалуй.

Ее лицо исказила гримаса гнева, но лишь на мгновение.

— Во имя своей королевы ты истребишь тысячи демонов! — провозгласила она.

И он знал, что она права. Новообетенная сила придется ему очень кстати в грядущей войне. А когда они наконец одержат победу, если судьба будет благосклонна к нему, они оба умрут в последний раз и вместе будут гореть в преисподней.

И тут вдруг его словно током ударило. Из зеркала на него смотрело не совсем его лицо. Он повернулся ко второму алтарю, но там ничего не было, кроме щепотки пепла и следов запекшейся крови. Оружие и доспехи паладина были в беспорядке свалены на пол. Натанос попытался убедить себя, что это всего лишь трофеи, оставшиеся от поверженного врага. Только это, и ничего более.

— Тебе не подобает носить эту рвань, надо покончить с прошлым, — заявила Сильвана, и он знал, что она права.

Почему он оставил себе форму, которую носил человеком... и солдатом Плети? Его просто не волновало, во что он был одет, и поэтому он не озаботился новыми доспехами? Или же он и правда подсознательно цеплялся за прошлую жизнь?

Сильвана махнула рукой в сторону темного угла, и только тут Натанос заметил притаившуюся там фигуру. Королева банши предусмотрела все. Эта лучница должна была застрелить его, если бы заклинание валь'киры сработало не так, как надо.

— Аня, проводи моего защитника в оружейную, и пусть он приоденется сообразно его положению.

Та поклонилась и жестом пригласила Натаноса пройти вперед. Выходя из комнаты, Натанос коротко кивнул Сильване, на миг задержав на ней взгляд.

Выйдя из лабиринта потайных ходов, Натанос с Аней пошли по длинному коридору, направляющемуся к внешнему кольцу Подгорода. Оказавшись в жилом квартале, Натанос обнаружил, что его новый облик, помимо очевидных достоинств, таил в себе и некоторые недостатки. У него заметно обострилось обоняние. Когда к ним подошли трое Отрекшихся, его чуть не стошнило от вони разлагающейся плоти. Там, где проводился ритуал, трупный смрад практически не ощущался, но здесь, среди тысяч нежити, запах стоял просто невыносимый.

Натанос задержал дыхание, пропуская смердящую троицу, и поклялся, что в следующий раз эта вонь уж точно не застанет его врасплох.

Аня, если и заметила его минутную слабость, то не подала виду.

— Давно я не видела Темную Госпожу столь довольной. Как только она узнала, что валь'киры действительно способны провести такой ритуал, она сразу же послала за тобой.

— Мудрость нашей королевы велика, — отвечал ей Натанос. — С этим новым телом я лучше смогу послужить ей.

Аня хмыкнула, и Натанос почувствовал острый приступ раздражения.

— Ты не согласна? — резко спросил он.

Характер его даже после ритуала остался прежним.

— Да не в том дело, — она пожала плечами.

— Ну а в чем тогда?

Он чуть было не перешел на крик. Ему казалось, что темная лучница держится уж слишком самонадеянно.

Она вздохнула.

— Ну да, у королевы теперь есть более сильный защитник. Но не этого она желала больше всего.

Натанос остановился и развернулся к ней. Он прищурился, разъяренный уклончивостью ее ответов.

— Что ты хочешь этим сказать?

Аня едва улыбнулась одними уголками губ.

— Сильвана бросила вызов всему своему королевству, когда произвела тебя в командиры следопытов. Она обыскала все Чумные земли, чтобы вырвать тебя из лап Плети. И сегодня она истратила свой самый ценный ресурс, чтобы вернуть тебе силу. Ты подумай обо всем этом, Гнилостенъ, и скажи мне, как можно быть таким проникательным, как ты, и в то же время не замечать очевидных вещей.

Натанос свирепо смотрел на нее, стиснув зубы. Благодушное выражение мигом слетело с ее лица. Глупая лучница! Королева не разменивалась на такие ничтожные мелочи.

Как и он. Какие бы чувства и эмоции в свое время не тревожили его человеческое сердце, теперь в нем осталось место только для презрения и ярости. Теперь имя ему было Натанос Гнилостенъ, защитник королевы банши. Он едва не улыбнулся, предвкушая, как будет сеять хаос среди ее врагов.

Он пошел дальше. Аня двинулась следом за ним, благоразумно храня молчание.

По мере их приближения к Кварталу Воинов далекий звон мечей становился все отчетливее и громче. Инструкторы хрипло выкрикивали команды новому отряду новообращенных, с остервенением рубивших тренировочные манекены или несчастных пленников Альянса — кому что досталось. Натанос потратил бесчисленные часы на занятия с такими, как они, и ему с первого взгляда стало ясно, что с этими придется провозиться дольше обычного. Он скривился от раздражения и продолжил свой путь в оружейную.

Вдоль каменных стен оружейной палаты стояли ряды стоек с самым разным оружием и доспехами. Натанос выбрал себе наполовину кожаный, наполовину кольчужный доспех, который бы надежно защищал от стрел и мечей, но при этом не сковывал движений. Он решил, что расцветка лучше всего подойдет серо-зеленая — для хорошей маскировки и в лесу, и в сумерках.

Он уже развернулся и собрался уходить, но тут вдруг краем глаза увидел, как что-то блеснуло в углу комнаты. Он подошел к угловой стойке и стал разбирать ее. Под грудой всякого хлама обнаружился отполированный латный нагрудник тонкой работы. Его мысли вновь вернулись к ритуалу, пустому алтарю рядом с тем, на котором лежал он. К сделанному выбору.

На миг он ощутил какое-то чужое и тревожное чувство. Чувство, которого он не испытывал с того дня, когда умер. Но все это время смертная слабость неотступно следовала за ним и вот теперь, улучив момент, вцепилась ему в горло.

Натанос испытывал сожаление.